

Корохова Наталья Дмитриевна

студент магистратуры
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

**ПРАВО НА ЗАЩИТУ КАК КЛЮЧЕВАЯ ГАРАНТИЯ СПРАВЕДЛИВОГО
ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ****Аннотация**

Рассматривается право на защиту как системообразующий элемент гарантий правосудия в уголовном процессе Российской Федерации. Обосновывается положение о том, что реализация права на защиту является необходимым условием справедливого судебного разбирательства и эффективной охраны прав личности. Анализируется нормативное содержание права на защиту, его конституционно-правовые основы и особенности реализации на различных стадиях уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется правоприменительной практике и правовым позициям высших судебных инстанций, формирующим современные стандарты обеспечения права на защиту. Делается вывод о необходимости приоритета реального, а не формального обеспечения данного права как ключевой гарантии правосудия.

Ключевые слова: право на защиту, уголовный процесс, гарантии правосудия

В условиях современного уголовного судопроизводства право на защиту занимает особое место в системе процессуальных гарантий личности. Его значение определяется тем, что уголовный процесс по своей природе связан с возможностью наиболее существенного вмешательства государства в сферу личной свободы человека. Применение мер процессуального принуждения, ограничение свободы, вторжение в частную жизнь, использование властных полномочий органами расследования – всё это требует наличия эффективных правовых механизмов, способных уравновесить публичный интерес и защиту прав личности. Именно право на защиту выполняет данную компенсаторную функцию.

Конституция Российской Федерации [1] закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, придавая ему статус одной из фундаментальных гарантий правового государства. Данное положение носит универсальный характер и подлежит применению в уголовном процессе в расширительном толковании. Право на защиту не ограничивается моментом предъявления обвинения, а возникает с того момента, когда лицо фактически вовлекается в сферу уголовного преследования и его права подвергаются ограничению. Такое понимание соответствует современным представлениям о справедливом правосудии и ориентировано на защиту личности от произвольного вмешательства со стороны государства.

Право на защиту получает конкретизацию через систему процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого. Эти права образуют целостный механизм, направленный на обеспечение активного участия лица в процессе, возможность влиять на ход расследования и судебного разбирательства, а также отстаивать свою позицию всеми не запрещёнными законом способами [8]. В совокупности они формируют процессуальную основу реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

Особую роль право на защиту играет на стадии предварительного расследования. Именно на этом этапе формируется доказательственная база уголовного дела, принимаются ключевые процессуальные решения и определяется направление дальнейшего уголовного преследования. При этом процессуальные возможности стороны обвинения существенно превосходят возможности лица, в отношении которого осуществляется расследование. В такой ситуации отсутствие своевременной и эффективной защиты приводит к формированию обвинительного уклона, который впоследствии трудно преодолеть на судебной стадии.

Судебная практика подтверждает, что формальное признание права на защиту без создания реальных условий для его реализации не соответствует требованиям справедливого правосудия. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что участие защитника должно носить не номинальный, а содержательный характер. Суд подчёркивает, что право на защиту нарушается не только при полном лишении возможности пользоваться помощью адвоката, но и в случаях, когда защитник допускается к участию в деле формально, без предоставления ему реальных процессуальных возможностей [5, 6].

Аналогичная позиция прослеживается и в практике Верховного Суда Российской Федерации, который обращает внимание судов нижестоящих инстанций на необходимость оценки фактических условий реализации права на защиту [2, 3, 4]. При рассмотрении уголовных дел суд обязан проверять, имел ли обвиняемый реальную возможность общаться с защитником, заявлять ходатайства, представлять доказательства и участвовать в исследовании доказательств стороны обвинения. Нарушение этих условий рассматривается как существенное процессуальное нарушение, способное повлиять на исход дела.

Несмотря на конституционное закрепление и детальную регламентацию права на защиту в уголовно-процессуальном законодательстве, в правоприменительной

практике сохраняется устойчивая проблема его формального обеспечения. Во многих случаях право на защиту реализуется лишь внешне, посредством формального допуска защитника к участию в деле, тогда как фактические возможности влияния на ход уголовного преследования остаются существенно ограниченными [9]. Это проявляется в несвоевременном допуске защитника к участию в следственных действиях, ограничении времени и условий конфиденциального общения с подзащитным, формальном рассмотрении ходатайств стороны защиты и игнорировании представленных ею доказательств.

Указанная проблема носит системный характер и обусловлена спецификой досудебных стадий уголовного процесса, на которых органы предварительного расследования обладают широкими властными полномочиями и фактически определяют направление и содержание уголовного преследования. В условиях обвинительного уклона право на защиту нередко воспринимается как процессуальная формальность, необходимая для соблюдения требований закона, но не как равнозначный элемент состязательного процесса [7]. Подобный подход приводит к нарушению баланса процессуальных возможностей сторон и снижает реальную эффективность судебного контроля за соблюдением прав личности.

Особую опасность формального подхода к обеспечению права на защиту представляет то обстоятельство, что допущенные на ранних стадиях нарушения, как правило, оказывают влияние на весь последующий ход уголовного дела. Доказательства, полученные с ограничением возможностей защиты, в дальнейшем приобретают устойчивое значение, а суды нередко исходят из презумпции их допустимости, что существенно осложняет восстановление нарушенных прав. В результате право на защиту утрачивает свой превентивный характер и трансформируется в средство постфактум-обжалования уже состоявшихся процессуальных решений.

Решение обозначенной проблемы представляется возможным лишь при переориентации уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики с формального на содержательный подход к обеспечению права на защиту. В первую очередь требуется закрепление на уровне правоприменения устойчивого стандарта оценки не самого факта участия защитника, а реальных условий осуществления им защитительной функции. Суд при рассмотрении уголовного дела должен оценивать, имел ли защитник фактическую возможность участвовать в

ключевых следственных действиях, заявлять и мотивированно отстаивать ходатайства, а также влиять на формирование доказательственной базы.

Кроме того, целесообразным является расширение судебного контроля за реализацией права на защиту на досудебных стадиях уголовного процесса. Институт судебного контроля должен использоваться не только для проверки законности отдельных процессуальных решений, но и для оценки соблюдения совокупности условий, обеспечивающих эффективную защиту. Это предполагает более активное применение судами механизма признания доказательств недопустимыми в случаях, когда они получены при формальном, но не реальном обеспечении права на защиту.

Наконец, существенное значение имеет формирование единообразной судебной практики, ориентированной на приоритет прав личности над процессуальной целесообразностью. Закрепление в правовых позициях высших судебных инстанций требования оценивать право на защиту как фактическую гарантию справедливого правосудия способно изменить правоприменительную парадигму и придать данному праву реальное, а не декларативное содержание.

Таким образом, современные тенденции развития уголовного процесса свидетельствуют о необходимости переосмысления традиционного формального подхода к обеспечению права на защиту. В условиях усложнения уголовного судопроизводства, цифровизации процессуальных форм и расширения полномочий органов расследования особое значение приобретает реальное, а не декларативное обеспечение процессуальных прав личности. Право на защиту должно рассматриваться не как формальная обязанность государства, а как активный механизм правового противодействия возможному произволу.

Право на защиту по своей сущности является ключевой гарантией справедливого правосудия в уголовном процессе. Его реализация определяет не только степень защищённости конкретного лица, но и уровень правовой культуры уголовного судопроизводства в целом. Обеспечение данного права в его реальном, а не формальном измерении является необходимым условием построения правового государства и укрепления доверия общества к системе правосудия.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://online.consultant.ru>

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://online.consultant.ru>

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://online.consultant.ru>

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://online.consultant.ru>

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://online.consultant.ru>

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Вишнякова, Н.М. Волокитиной, М.З. Каримова и Н.Н. Наливайко». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://online.consultant.ru>

7. Алексеева, Н. И. Реализация принципов правосудия в эпоху цифровизации / Н. И. Алексеева, С. А. Дмитриевская // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 342-346. – DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-342-346. – EDN: KVYKKZ.

8. Бозров, В. М. Содержание и границы правосудия в уголовном процессе: очередная дискуссионная волна / В. М. Бозров // Мировой судья. – 2024. – № 1. – С. 2-6. – DOI: 10.18572/2072-4152-2024-1-2-6. – EDN: CYLJFK.

9. Смахин, Е. В. Справедливость уголовного судопроизводства: форма и содержание / Е. В. Смахин // Российский юридический журнал. – 2023. – № 4(151). – С. 74-81. – DOI: 10.34076/20713797_2023_4_74. – EDN: BYKVRC.